

Юань Цзыжу, который всё это время рассеянно поглаживал крошечного кролика у себя на руках, отчего тот лишь забавно двигал носом, весело произнёс:

— Шань Жун вознёс мне молитву: он жаждет найти преданного мужчину, который будет любить лишь его одного всей душой. Так что, видишь ли... — он развёл свободной рукой, — разве я не помогаю ему подыскать подходящую кандидатуру?

Сказав это, он не стал дожидаться, пока Ху Тянь оправится от потрясения, вызванного его словами, и первым грациозно удалился, словно плывя по воздуху.

Неспешно поглаживая мягкую спинку кролика, Юань Цзыжу выглядел до того безмятежным, что было ясно: он совершенно не принял близко к сердцу только что разыгравшуюся сцену. В конце концов, любой, кто хоть немного знал Шань Жуна, мог заметить все его прошлые поступки и стремления — что уж говорить о Ху Тяне, который когда-то проводил с ним всё время бок о бок. Да и сам Юань Цзыжу намеренно хотел, чтобы тот обо всём догадался, так что происходящее вполне вписывалось в его ожидания.

Теперь же, паря над облаками, Юань Цзыжу уже давно выбросил всё из головы и лишь задумчиво пробормотал себе под нос:

— Хоть я и немного задержался, нарушив обещанное время, но тот человек настолько забавен, что это вряд ли станет проблемой, верно? Хе-хе...

А в это время Ху Тянь, оставленный в одиночестве во дворе на вершине горы, был словно лишён души. Услышав, что тот человек вернулся, чтобы исполнить желание Шань Жуна, он в глубине сердца ещё тешил себя слабой надеждой, что речь может зайти и о нём самом. Но такой финал...

Ху Тянь, обессилев, опустился на колени. Собрав последние крохи сил, он издал полный отчаяния вопль: «А-а!», подобно загнанному в ловушку зверю.

Значит, это конец? Шань Жун окончательно поставил на нём крест? Полностью отрёкся и больше не желает иметь с ним ничего общего?

— Неужели ты, Шань Жун, действительно смог так легко перестать любить меня?

Перед глазами поплыла тьма. Последней мыслью, мелькнувшей в угасающем сознании Ху Тяня, было: «Ах, как же ты жесток!»

Его устремлённый в небо взгляд постепенно терял фокус.

— Вы... вы все такие жестокие!

Тем временем Юань Цзыжу уже вовсю пировал с Юху Цинчжоу, и они вели оживлённую беседу. Вскоре стало заметно, что слова Юань Цзыжу вызвали у Юху Цинчжоу чувство удовольствия, совершенно не свойственное его обычному нраву. В конце концов, Юху Цинчжоу разразился громким смехом, крепко сжал правую руку Юань Цзыжу, а другой рукой плавно обнял его за талию.

Заметив, что его спутник не выказал ни малейшего недовольствия или сопротивления, Юху Цинчжоу, поддавшись азарту, притянул его к себе. Хотя Юань Цзыжу, застигнутый врасплох, был вынужден сесть к нему на колени, он не сделал попытки отстраниться, а лишь покраснел и покорно прижался к его груди.

Неизвестно, виной ли тому было крепкое вино, но Юху Цинчжоу, потеряв остатки приличий, закрыл глаза и с упоением втянул тонкий, изысканный аромат, исходивший от того, кто был у него в объятиях. В сердце внезапно вспыхнуло нетерпение, словно нечто долго сдерживаемое рвалось наружу.

Юху Цинчжоу чувствовал, что теряет контроль над своим телом. Он совершил немыслимо дерзкое движение: подавшись вперёд, он принялся с жадностью вылизывать округлую, манящую мочку уха своего спутника. Больше не в силах сдерживаться, он прижал к себе мягкое податливое тело ещё сильнее, невольно подавшись бёдрами вперёд.

Видя перед собой своего спутника — хотя с этого ракурса была видна лишь его спина, — он заметил, что открытая часть лица, поддразненная его ласками, пылала ярким румянцем, выглядя необычайно соблазнительно. В горле у Юху Цинчжоу мгновенно пересохло, оно зачесалось, заставляя его судорожно и часто сглатывать.

Больше не желая мучить себя, он подхватил этого маленького искушителя на руки, сделал пару шагов и опустил на единственное ложе в комнате.

Даже оказавшись в таком положении, объект его страсти лишь крепче зажмурился, стараясь спрятать лицо у него на груди, при этом обвив руками его шею. В глазах Юху Цинчжоу это выглядело как самое откровенное приглашение.

Раздался грохот, подобный раскату грома, — Юху Цинчжоу почувствовал, как плотина внутри него рухнула, и поток неконтролируемого желания хлынул наружу.

Нетерпеливо, прямо в том же положении, с руками, всё ещё сцепленными на его шее, он навалился сверху. Его ладони жадно скользили по нежной коже, особенно по тонкой, гибкой талии. Юху Цинчжоу был готов потерять голову от этого ощущения, доводящего его до безумия. Всегда изнеженный и свободный в каждом движении уголок губ сейчас страстно и исступленно столкнулся с другой мягкой губой.

Грубо и жадно испив всю скрывавшуюся внутри сладость, он лишь слегка утолил первый голод, после чего начал нежно вести партнера за собой, двигаясь с ним в унисон.

Слизывая и прикусывая друг друга, они оба, одурманенные и зачарованные, без устали снова и

снова обменивались слюной, смешивавшейся на их губах и языках.

Хотя до позднего вечера было еще далеко, увлеченный до глубины души своим желанием Юху Цинчжоу уже не мог думать ни о чем другом. Выкроив свободную секунду, он небрежным взмахом руки захлопнул широко распахнутое в комнате окно, и с глухим стуком тяжелые створки намертво закрылись. Вслед за этим полностью опустились и полотнища полог, обрамлявших ложе с обеих сторон.

После этого окончательно потерявший всякий стыд Юху Цинчжоу принялся быстро и безжалостно срывать одежды с лежащего под ним прекрасного творения.

Тот покорно позволял ему делать всё, что заблагорассудится, и даже когда от слишком резких движений Юху Цинчжоу его тело пронизывали едва уловимые волны боли, лишь слегка недовольно издавал томные стоны.

Напротив, этот соблазнительный и манящий тон лишь сильнее сводил Юху Цинчжоу с ума.

Устроившись верхом на лежащем внизу человеке, Юху Цинчжоу рывком поднял его, прижав к себе его торс и заставив полулежа откинуться назад. Воспользовавшись моментом, он наконец полностью избавил красавца от последних преград на талии и бедрах.

После чего крепко прижал его гладкое тело к своей груди и испустил удовлетворенный вздох, словно желая растворить всё существо этого человека в собственной плоти и крови.

Следом пылающие от страсти губы и язык Юху Цинчжоу принялись яростно и безжалостно оставлять всевозможные метки любви на нежной груди, спине и округлых ягодицах красавца.

Наконец, полностью удовлетворив свой пыл, он с легкостью перевернул лежащего под ним человека на живот и силой развел его руки, которыми тот из-за жгучего стыда намертво закрыл свой рот.

Хрипло уговаривая, он прошептал:

— Дошло до такого, а ты все еще стыдишься? Кричи громче!

Прильнув к самому его уху, он тихо выдохнул:

— Мне нравится, когда ты кричишь.

И, приоткрыв губы, легонько подразнил зубами его чувствительную мочку.

Очаровательный красавец, уже доведенный им до исступления, жалобно всхлипнул и простонал нечто вроде «а-а», а затем, точно как он и желал, больше не стал сжимать губы. Вместо этого он безумно зарылся пальцами в черные волосы Юху Цинчжоу и в изнеможении прижался к нему ближе.

Этот малый демон едва не довел Юху Цинчжоу до полного помутнения рассудка — впрочем, его нынешнее состояние от помешательства ушло недалеко.

Когда тот высунул язык и с невероятно соблазнительным видом слизал серебристые нити слюны, оставшиеся на губах Юху Цинчжоу после их страстного поцелуя, Юху Цинчжоу отчетливо почувствовал, как бушующий внутри него огонь разгорелся с новой силой.

С покрасневшими уголками глаз, со зловещей усмешкой отвесив округлым ягодицам партнера

пару смачных шлепков с обеих сторон, он с тяжелым вздохом окончательно погрузился в него.

Обретя желанное наслаждение, соблазнительный и утонченный мужчина высоко откинул свою лебединую шейку, и с его губ сорвался прерывистый стон, в котором смешались боль и блаженство.

Пологи заходили в бешеной, хаотичной пляске, скрывая разворачивавшуюся за ними страсть.

Однако тяжелые, густые мужские стоны вместе с беззастенчивыми громкими криками другого человека отчетливо доносились до слуха того, кто лениво расположился на кушетке с противоположной стороны комнаты.

На самом деле плотная ткань пологов не представляла для него никаких преград, поэтому все происходящее на ложе представало перед его глазами во всей ясности.

Больше всего его забавлял сам Юху Цинчжоу, всегда славившийся своей безупречной благопристойностью. Кто бы мог подумать, что этот обычно столь утонченный и благородный муж в постельных делах способен проявить такую дикую, свирепую сторону.

— Хм, а ведь это и правда на удивление клонит в сон! — Юнь Цзыжу скрыл свое дыхание и испустил долгий, истомленный зев.

В конце концов, нынешнее тело Шань Жун предназначалось для его собственных целей, а потому, кроме Ху Тяня, никто не смел и пальцем к нему прикоснуться.

Впрочем, теперь, когда они с Ху Тянем окончательно перешли черту, можно было считать, что даже это правило утратило силу.

Видя, что двое «людей» за пологам были слишком увлечены страстью и вряд ли скоро закончат, Юнь Цзыжу забавляюще покачал головой. Разумеется, он прекрасно всё понимал, ведь это было особое зелье, которое он сам же и дал тому парню.

Устроившись на этой кушетке со всеми удобствами и в компании крошечного кролика под звуки страстных стонов двух других обитателей комнаты, Юнь Цзыжу в мгновение ока погрузился в глубокий сон.

И все же, даже заснув, он не забыл в мельчайших подробностях прокручивать в сознании другого человека — уже отключившегося Ху Тяня — эту откровенную сцену, от которой у любого кровь застывала бы в жилах. Он мысленно фыркнул, ничуть с этим не соглашаясь: «Ничего не поделаешь, как добропорядочный исполнитель желаний, я, конечно же, не упущу столь прекрасную возможность насолить своим врагам».

Когда Юань Цзыжу уже погрузился в спокойный и глубокий сон, маленькое кроличье утихомирившееся было создание, что до этого послушно опустило голову и мирно прижалось к его груди, вдруг резко насторожило два длинных уха.

Его пушистые ушки чуть подрагивали, улавливая доносящиеся из комнаты звуки, которые оно никак не могло проигнорировать. Поведя ими еще раз, кролик принялся своим изящным нежно-розовым носом к руке Юань Цзыжу, покоившейся на его шерстке.

В конце концов, немного подавшись вперед, зверек потерял о его ладонь, после чего послушно

опустил уши и закрыл глаза.

Спустя несколько дней Ху Тянь в гневе преградил путь некоему лицу, уже собравшемуся уходить:

— Предупреждаю тебя, хватит использовать его тело для своих грязных делишек!

Юань Цзыжу взмахнул рукавом и шагнул прямо мимо него:

— Ох, оказывается, я забыл тебе кое-что сказать.

Удаляющаяся спина уже скрылась из виду, но его голос прозвучал так отчетливо, словно он говорил это, склонившись прямо к уху Ху Тяня.

— Прошу прощения, но Юху Цинчжоу — как раз тот единственный, кого я хочу найти для Шань Жуна. Так что, пока Шань Джун сам этого хочет и всё происходит по обоюдному согласию, позвольте спросить, какое вообще тебе до этого дело! В этот момент Юань Цзыжу, уже домчавшийся на оседлав ветер за тысячи ли, после сказанных слов машинально прикрыл пальцами уголки губ.

Поскольку ранее он переносил свой Вань Юань Сюань во множество совершенно не похожих друг на друга миров, неужели всё это влияние окружающей обстановки, и он постепенно начал перенимать подобные словечки?

Стряхнув широкие рукава халата, он сосредоточился и задумался:

— Ай-яй-яй, впрочем, чувствую я, ничего плохого в этом нет.

С легкой улыбкой он полетел к нынешней цели своего путешествия. Приземлившись, он оказался внутри искусственной горной пещеры, располагавшейся посреди просторного двора.

Не прошло и мгновения, как со стороны переднего двора украдкой промелькнула еще одна хрупкая фигурка.

Когда этот нечеткий силуэт тоже быстро шмыгнул в пещеру, из-за излишнего волнения, царившего в тиши пещеры, в этот момент было слышно лишь то, как гулко и часто колотится сердце девушки: тук-тук, тук-тук.

Увидев это, Юань Цзыжу на мгновение прикрыл лицо рукавом и тихонько рассмеялся, словно происходящее показалось ему весьма забавным.

Заметив, что от его действий сидевшая напротив девушка, чье лицо было покрыто шрамами разной глубины, испугалась еще сильнее, он наконец умолк.

Достав из рукава маленький белоснежный фарфоровый пузырек, он протянул его ей и мягко произнес:

— Час еще не слишком поздний, так что давай назначим всё на завтрашний час чоу!

Увидев, что собеседница хоть и в растерянности приняла флакон, но ни секунды не колеблется, он с прежней улыбкой продолжил наставлять её:

— Запомни: когда будешь сжигать это лекарство, ты должна всей душой думать об этом человеке и не гасить огонь, пока аромат лекарства из пузырька полностью не развеется. К тому моменту от сгоревшего благовония не останется ни следа, ни малейшей частицы запаха, так что тебе не придется бояться, что впоследствии кто-то сможет выйти на твой след.

Увидев, что сидевшая напротив девушка в ответ на его слова согласно закивала, Юань Цзыжу довольно улыбнулся.

Однако заметив, что после его наставлений она не спешит уходить, а в нерешительности топчется на месте, Юань Цзыжу мягко спросил:

— Что такое? У тебя остались еще какие-то вопросы?

Девушка, в которой, если присмотреться, угадывалась некогда писаная красавица, услышав его вопрос, сначала поспешно покачала головой, а затем замерла.

С тревогой взглянув на него, она с заметной опаской произнесла:

— Я к тому, что... на случай, если вдруг. Если вдруг после всего этого меня, не дай бог, схватят, ты действительно, как и обещал, придешь и вытащишь меня невредимой?

— Вот оно что! — с понимающей улыбкой произнес Юань Цзыжу.

С тех пор как эта девчонка стала свидетелем некоторых его способностей, он заметил, что при каждой встрече с ним она испытывает жуткий страх и трепет.

— Разумеется! — он протянул руку, поддержал её правую ладонь и, сделав всё в одно движение, указательным пальцем быстро начертил на её ладони несколько слитных черт.

Затем, когда заклинание сформировалось, золотой свет начертанных знаков ярко вспыхнул и мгновенно растворился.

— Если в тот момент ты действительно окажешься в беде, просто сожми правую руку в кулак и позови меня на помощь — я непременно явлюсь и вызволю тебя.

После таких уверений сидевшая перед ним девушка, еще недавно охваченная паникой, наконец перестала быть такой напряженной.

Хотя из-за определенных обстоятельств Юань Цзыжу был вынужден в каждом из миров действовать против конкретных людей, к остальным творениям этого мира он неизменно относился со светлым чувством, принимая их всех, будь они хорошими или дурными, красивыми или уродливыми, словно собственное чадо.

Поэтому, заметив, что к девушке наконец вернулось самообладание, он с улыбкой легко потрепал её по голове, отчего та опешила.

— Должно быть, в прошлом тебе пришлось несладко. Не бойся, отныне всё наладится! От этих его слов утешения глаза девочки напротив мгновенно покраснели, и было видно, что слезы вот-вот хлынут из них потоком.

Юань Цзыжу беспомощно похлопал её по тому же месту и произнёс:

— Не плачь, иди быстрее!

Девочка густо покраснела, смущённо поклонилась ему и быстро выбежала прочь.

Только тогда Юань Цзыжу снова взял на руки своего кролика и неторопливо направился прочь из этого места.

Подул лёгкий ветерок, и стражники со слугами, которые до этого стояли в саду с остекленевшими взглядами, наконец пришли в себя. Ничего не заметив, они принялись за свою работу с прежним усердием.

В последние несколько дней атмосфера внутри Клана Юху была крайне напряжённой, и даже слуги во дворе начали это смутно ощущать.

Поскольку, когда у хозяев портилось настроение, первыми под удар попадали именно слуги, каждый из них трудился с двойным рвением.

А в это время в комнате Юху Цинчжоу всё перевернулось с ног на голову: если раньше он сам бегал за Юху Хуаи, давая ей бесконечные наставления, то теперь он стал тем, кого эти самые наставления начали невыносимо утомлять. — Я не понимаю, что в этом ублюдке вообще нашли? Вы что, все посходили с ума из-за него? Мой дорогой братец, неужели ты понятия не имеешь, что он за тварь, раз умудрился сам к нему полезть?

Некоторое время назад, когда она тайком отправилась на поиски Ху Тяня, о котором так страстно грезила, тот обрушил на неё холодный шквал упреков за упреком. Вдобавок он заявил ей, что её собственный брат в последнее время водится с Шань Жуном — тем самым

существом, которого она всем сердцем и всей душой люто ненавидела!

— Вы, из Клана Юху, все до единого такие ничтожные? Ты здесь цепляешься ко мне и не отпускаешь, а твой драгоценный братец точно так же мертвой хваткой вцепился в моего Шань Жуна.

Оскорбленная до глубины души насмешками, Юху Хуаи пришла в ярость и последние несколько дней не давала прохода Юху Цинчжоу, бесконечно преследуя его.

Обитатели всего поместья Клана Юху день за днем без перерыва слышали из уст своей старшей барышни одно и то же ругательство: ублюдок, ублюдок.

Доведенный до крайнего предела терпения непрерывными истериками Юху Хуаи, Юху Цинчжоу в этот момент наконец сорвался и резко ответил ей:

— То ублюдок, сё ублюдок! Послушай только, какая грязь слетает с твоих уст, кто вообще научил тебя подобному? Ума не приложу, как в Клане Юху могли воспитать такую наглую и взбалмошную девушку, да к тому же благородную девушку из приличной семьи. Юху Хуаи была ранена, но всё равно мёртвой хваткой вцепилась в него, не отпуская.

— Я сквернословлю? Я своенравна?

Она тыкала пальцем прямо в нос Юху Цинчжоу — еще чуть-чуть, и ткнула бы ему прямо в глазницы.

— Да как у тебя совесть вообще говорит такое? А ты? Ты сам-то кто такой? Целыми днями читаешь мне морали о человеколюбии, долге, благопристойности и стыде, а на деле разве не хуже меня, ещё большая дрянь? Уму непостижимо, ты же подобрал этого мелкого ублюдка, этого паршивого шенка, словно какую-то выброшенную тряпку, и притащил сюда, чтобы он носил чужие обноски! И после этого у тебя хватает наглости меня поучать?

Хотя лицо Юху Цинчжоу на мгновение исказилось от её слов, ответил он всё же не с истеричным визгом, свойственным этой сварливой бабе.

Нахмурившись, он покачал головой, бросил странный взгляд вниз — на еще не сильно выпирающий живот Юху Хуаи — и издал пару неопределенных смешков:

— Хех!

Но у Юху Хуаи не было столь крепких нервов, и её черты лица тут же страшно исказились.

В конце концов, понимая, что не сможет с ним справиться, она лишь злобно и невнятно бросила напоследок:

— Ну жди! Юху Цинчжоу, я еще посмотрю, как в один прекрасный день ты... — а затем с размаху пнула дверь его кабинета и, пылая яростью, круто развернулась и ушла.

Юху Цинчжоу же, с показной выдержкой и мягким нравом, бросил ей вслед:

— Младшая сестрица, тебе бы лучше сначала озаботиться собственными делами!

Услышав донесшийся снаружи звук: сначала глухой удар какого-то фарфорового изделия о пол, а затем звонкий треск разбивающихся черепков, — он, казалось, наконец остался доволен и, лениво взмахнув нефритовым веером, усмехнулся.

Когда в комнате воцарилась полная тишина, Юху Цинчжоу нахмурился, опустил на стул и погрузился в глубокие раздумья.

Он никак не ожидал, что Ху Тянь узнает о его связи с Шань Жуном так рано, но...

На его опущенном лице пара глубоких, темных глаз выглядела так, будто он готов разорвать и сожрать живьем любого, а от его привычной мягкой и утонченной мягкости не осталось и следа.

Тихо вздохнув, он проговорил:

— Похоже, придется ускорить дела!

С усилием сжав правую руку в кулак, он глухо рассмеялся.

Всё, чего он добивался — никогда не было крушением одного лишь Ху Тянь!

Юань Цзыжу в этот момент безмятежно полулежал на плетеном кресле во дворе, прикрыв глаза и погрузившись в легкую дремоту. И когда он снова ощутил устремленный на него издали жгучий, немигающий взгляд, его изящно изогнутые ресницы слегка дрогнули.

Распахнув глаза, он, как и ожидал, вновь увидел этого человека.

<http://bllate.org/book/22153/2307662>